

Никогда, никогда. Часть 3. В любви можно все

Автор:

[Таррин Гувер](#)

Никогда, никогда. Часть 3. В любви можно все

Таррин Фишер

Колин Гувер

Никогда Никогда #3

Время безнадежно уходит. Чарли и Сайлас должны окунуться в свое прошлое и найти ответы на массу вопросов. Что с ними происходит, почему они потеряли память, кто повинен в произошедшем? Им определенно стоит поспешить, каждый час может стоить им будущего и жизни. Разгадка уже близка, но принять ее сможет не каждый.

Колин Гувер, Таррин Фишер

Никогда, никогда

Часть 3

В любви можно все

Роман

Вместе Сайлас Нэш и Шарлиз Винвуд должны окунуться в свое прошлое, чтобы понять, кем они были и кем хотят стать. Время уходит, и им нужно спешить, чтобы найти ответы прежде, чем станет слишком поздно. Смогут ли они вновь

обрести то, что утеряно? И поможет ли это им стать теми, кем они были однажды?

Посвящается Джо Попперу

Colleen Hoover

Never Never III

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Copyright © 2015 by Colleen Hoover and Tarryn Fisher

© А. Харченко, перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2019

1. Чарли

Первым делом я чувствую свое отчаянно колотящееся сердце. Оно стучит до того сильно, что мне больно. Зачем ему биться с такой скоростью? Делаю

глубокий вдох через нос и открываю глаза на выдохе. И шарахаюсь назад.

К счастью, я сижу на кровати, поэтому падаю на матрас. Затем откатываюсь от парня, внимательно наблюдающего за моими действиями, и встаю на ноги. Прищуренно кошусь на него и пячусь. Он тоже на меня смотрит, но не двигается с места. Это немного успокаивает мое скачущее галопом сердечко. Немного.

Он молод. Еще не мужчина, скорее юноша лет двадцати. Мне хочется бежать. Дверь... надо найти дверь, но если я повернусь спиной, он может...

– Ты кто такой, черт возьми?! – спрашиваю я. По сути, это неважно. Мне просто нужно отвлечь его, пока я соображу, где выход.

Пару секунд он молча меня разглядывает.

– Я хотел задать тебе тот же вопрос.

Его голос заставляет меня замереть. Тихий... спокойный. Очень спокойный. Может, я слишком драматизирую? Только я собираюсь ответить – что считается вполне разумным действием, когда тебя спрашивают, кто ты такой, – как понимаю, что не могу.

– Я первая спросила.

Почему мой голос кажется неродным? Я поднимаю руку к горлу и ощупываю шею.

– Я... – мешкает он. – Не знаю?

– Не знаешь? – недоверчиво повторяю я. – Как это возможно?

Наконец-то замечаю дверь и начинаю пятиться в ее сторону, не сводя глаз с незнакомца. Он стоит на коленях на кровати, но все равно смотрится высоким. На нем белая рубашка, плотно обтягивающая широкие плечи. Если он нападет, вряд ли я смогу отбиться. Мои запястья кажутся такими тонкими... Кажутся?! Почему я не знаю наверняка, что они тонкие?

Время пришло. Я должна это сделать.

Бросаюсь к двери – она всего в паре метров от меня. Если открою ее, то смогу позвать на помощь. Но кричать я начинаю еще загодя, и от этого душераздирающего звука кровь стынет в жилах. Хватаюсь за дверную ручку и оглядываюсь на парня.

Он стоит на месте и смотрит на меня с поднятыми бровями.

– Чего орешь-то?

Я останавливаюсь.

– А почему... почему ты не гонишься за мной?

Я прямо под дверью! По факту, я могу открыть ее и выбежать еще до того, как он встанет с кровати. Я это знаю, он это знает, так почему же не пытается меня остановить?

Незнакомец трет лицо и качает головой, после чего тяжело вздыхает.

– Как тебя зовут?

Я только собралась сказать, что это не его дело, как понимаю, что не знаю. Я не знаю своего гребаного имени!

В таком случае...

– Дилайла.

– Дилайла?..

В комнате довольно темно, но могу поклясться, что он улыбается.

– Да... что-то не нравится?

Он качает головой.

– Прекрасное имя. Слушай... Дилайла. Я не знаю, что мы здесь делаем, но прямо за твоей головой на двери висит записка. Можешь оторвать ее и прочитать?

Боюсь, если я обернусь, он воспользуется моментом и нападет. Не глядя тянусь за спину и нащупываю бумажку. Снимаю ее с двери и подношу к лицу.

Чарли! Не открывай пока эту дверь! Тому парню, что с тобой в комнате, можно доверять. Вернись к кровати и прочти записки. Они всё объяснят.

– Кажется, это тебе. Ты – Чарли? – оглядываюсь на парня на кровати. Он тоже что-то читает. Затем поднимает голову и протягивает мне небольшую белую карточку.

– Глянь-ка.

Я делаю шаг вперед, потом второй, потом третий. Это водительские права. Я окидываю изучающим взглядом фотографию, затем его лицо. Это один и тот же человек.

– Если тебя зовут Сайлас, то кто тогда Чарли?

– Ты, конечно.

– Я?!

– Да.

Он наклоняется и поднимает листочек с кровати.

– По крайней мере, так тут написано. – Он передает лист мне, а я возвращаю ему водительские права.

– Чарли ведь не женское имя.

Я приступаю к чтению записок, и все остальное отходит на задний план. Тяжело опускаюсь на край кровати.

– Какого черта?!

Сайлас тоже читает. Его взгляд бежит по бумаге, которую он держит близко к лицу. Я незаметно кошусь на него, и мое сердце начинает биться быстрее. Возвращаемся к чтению. Мысли путаются все больше и больше. Предположительно эти записки написаны мной и этим парнем, но они не вносят никакой ясности. Я хватаю лежащую рядом ручку и переписываю записку с двери, чтобы проверить, действительно ли это я ее написала.

Почерк абсолютно идентичен.

– Стоп-стоп-стоп! Это бред какой-то! – Я откладываю бумагу и качаю головой. Как это может быть правдой? Впечатление, будто я читаю какой-то роман. Потеря памяти, отцы, предавшие семьи, магия вуду. Боже мой! Меня внезапно тошнит.

Почему я не помню, кто я такая? Что я вчера делала? Если в этих записках правда...

Только я собираюсь озвучить эту мысль, как Сайлас вручает мне очередное послание.

У вас всего 48 часов. Не думайте, почему вы ничего не помните или как это все странно. Сосредоточьтесь на том, чтобы во всем разобраться прежде, чем снова все забудете.

~Чарли

И снова мой почерк.

– А я умею убеждать.

Парень кивает.

– Итак, где мы? – Я поворачиваюсь кругом, замечая следы от недавно съеденной еды на столе. Сайлас указывает на одну из бумажных табличек на тумбочке – «Отель в Новом Орлеане». Просто супер!

Я подхожу к окну, планируя выглянуть наружу, когда в дверь номера раздается стук. Мы оба замираем и смотрим в ее сторону.

– Кто там? – кричит Сайлас.

– Я! – отвечает голос.

Сайлас указывает мне встать в другой части комнаты – подальше от двери. Так я и послушалась! Я знаю себя всего пару минут, но могу с уверенностью заявить, что мне не занимать упрямства.

Сайлас отодвигает засов и приоткрывает дверь. В щели появляется парень со взъерошенными каштановыми волосами.

– Привет, – здоровается он. – Я вернулся. Ровно в 11:30, как ты и просил.

Его руки спрятаны в карманах, а лицо красное, словно он бежал. Я перевожу взгляд с него на Сайласа. Они похожи.

– Вы знакомы?

Младшая версия Сайласа уверенно кивает.

– Мы братья, – громко отвечает он и смотрит на Сайласа. – Я – твой брат.

– Ты уже говорил, – усмехается тот. После чего поочередно оглядывает меня и парня. – Не против, если я взгляну на твои документы?

Тот закатывает глаза, но достает портмоне из заднего кармана.

– Забавно глаза закатываешь, – хвалит Сайлас, открывая бумажник.

– Как тебя зовут? – интересуюсь я.

Он склоняет голову и прищуренно на меня смотрит.

– Лэндон, – отвечает как нечто само собой разумеющееся. – Один из двух братьев Нэш. Тот, что посимпатичнее.

Я прячу улыбку, а Сайлас разглядывает документы Лэндона. Он хороший паренек, это видно по глазам.

– Итак, – начинаю я, глядя на Сайласа. – Ты тоже не знаешь, кто ты такой? И мы вместе пытаемся в этом разобраться? И через каждые сорок восемь часов мы снова все забываем?

– Ага. Где-то так.

Все это кажется сном. Не реальностью.

И тут до меня доходит. Я сплю! Меня распирает от смеха. Лэндон передает мне сумку, и, судя по его виду, моя реакция застала его врасплох.

– Что это? – спрашиваю я, раскрывая сумку.

– Ты просила привезти тебе какую-нибудь одежду.

Я осматриваю свою больничную рубашку.

– А почему я в этом?

Тот пожимает плечами.

– В этом ты была прошлой ночью, когда Сайлас тебя нашел.

Старший Нэш открывает передо мной дверь в ванную комнату. На одежде бирки, и, оторвав их, я начинаю переодеваться. Миленький черный топ с длинными рукавами и джинсы, словно сшитые под заказ. Кому еще могла достаться новая одежда в этом сне?

– Обожаю этот сон! – кричу я через дверь.

Закончив, открываю ее и хлопаю в ладоши.

– Ладно, мальчики, вперед! Куда отправимся?

2. Сайлас

Когда Чарли и Лэндон выходят из номера, я провожу беглый осмотр. Хватаю пустой мусорный кулек из небольшой корзины под столом и запикиваю в него все наши послания. Убедившись, что все собрал, выхожу за ребятами.

Когда подхожу к машине, Чарли по-прежнему расплывается в улыбке. Она и вправду решила, что все это сон, а мне не хватает духу указать на ее ошибку. Это не сон. Это настоящий кошмар, в котором я живу уже больше недели.

Лэндон садится в машину, но Чарли ждет меня у задней двери.

– Хочешь поехать на переднем сиденье со своим «братом»? – спрашивает она, показывая кавычки пальцами.

Я качаю головой и тянусь ей за спину, чтобы открыть дверцу.

– Нет, можешь садиться.

Она начинает поворачиваться, но я беру ее под локоть. Затем наклоняюсь к уху девушки и шепчу:

– Ты не спишь, Чарли. Все происходит на самом деле. С нами что-то случилось, и ты должна воспринимать это всерьез, чтобы мы могли во всем разобраться, понимаешь?

Когда я отодвигаюсь, ее глаза округляются. Улыбка сходит с лица, и девушка даже не кивает в ответ. Просто садится в машину и закрывает дверцу.

Я занимаю место на заднем сиденье и достаю из кармана телефон. На экране мелькает напоминание, и я его открываю.

Первым делом езжай в полицейский участок. Достань свой рюкзак и прочти как можно больше посланий и записей из дневника... и как можно быстрее.

Закрываю приложение, просчитав, что в следующие два часа получу еще около пяти таких напоминаний. И знаю я это... потому что помню, как настраивал каждое из них прошлой ночью. Я помню, как писал все записки из этого небольшого мусорного пакета, который крепко держу в руках. Я помню, как погладил лицо Чарли за секунду до того, как часы отбили одиннадцать вечера. Помню, что прошептал ей «никогда-никогда» прямо перед тем, как поцеловал. И помню следующие десять секунд после того, как соприкоснулись наши губы... Чарли отпрянула и совершенно забыла, кто я такой. Она не помнила последние сорок восемь часов.

Тем не менее я помню каждую минуту последних двух дней.

Но я просто не могу сказать ей правду. Не хочу ее пугать. Заставить поверить, что мы в одинаковом положении, показалось мне более подходящим вариантом.

Понятия не имею, почему на сей раз остался в себе, а она – нет. Мне стоило ощутить облегчение, что для меня этот ад кончился, но ничего подобного. Я разочарован. Я бы предпочел снова потерять память вместе с ней, чем позволить ей разбираться с этим в одиночку. По крайней мере, когда мы были в одном положении, то знали, что сможем вместе преодолеть эту неприятность.

Но сия традиция отныне нарушена, и, как мне кажется, от этого все стало только сложнее. Почему меня «пощадили» на этот раз? Почему Чарли – нет?

Почему мне кажется, что я не могу быть с ней откровенным? Всегда ли на мне лежал таким пластом груз вины?

Я все еще не знаю, кто я такой и кем был. В моей памяти запечатлелись лишь последние сорок восемь часов – что не густо. Но это все равно лучше, чем получасовые воспоминания Чарли. Мне стоит быть с ней откровенным, но я не могу. Не хочу, чтобы это ее спугнуло. И без того похоже, что единственное, что ее сейчас утешает, это понимание: она не одинока.

Лэндон постоянно оглядывается то на меня, то бросает взгляд на Чарли. Наверняка думает, что мы окончательно потеряли рассудок. В каком-то смысле так и есть, но точно не в его интерпретации. Мне он нравится. Утром я сомневался, придет ли он, как я того просил, учитывая, что он не поверил в нашу историю. Но я рад, что, несмотря на все сомнения, его верность мне победила доводы разума. Мало кто обладает подобным качеством.

С самого начала дороги в полицейский участок мы были не особо-то разговорчивы, но неожиданно Чарли поворачивается к Лэндону и окидывает его сердитым взглядом.

– Откуда ты знаешь, что мы тебе не врем? С чего вообще нам подыгрывать, если только ты не имеешь отношения к случившемуся?

К нему она относится с большим подозрением, чем ко мне. Лэндон крепче хватается за руль и косится на меня в зеркало заднего вида.

– Я не знаю, что вы не лжете. Как по мне, вы вообще меня разыгрываете. Я на девяносто процентов уверен, что вы оба придурки, которым больше нечем заняться. На остальные же пять я полагаю, что вы, возможно, говорите правду.

– В сумме это девяносто пять процентов, – вклиниваюсь я.

– Потому что на остальные пять я подозреваю, что это я свихнулся!

Чарли смеется.

Мы заезжаем на парковку у полицейского участка, и Лэндон находит свободное место. Прежде чем он успевает выключить двигатель, Чарли произносит:

– Давайте обсудим, что мне нужно говорить? Я пришла за своим рюкзаком?

– Я пойду с тобой, – отвечаю я. – В записке сказано, что все считают тебя пропавшей, а меня подозревают в твоём похищении. Если мы зайдем вместе, то у них не будет оснований продолжать расследование.

Она выходит из машины, и мы вместе шагаем к участку.

– Почему бы просто не рассказать им правду, что мы ничего не помним? – спрашивает девушка.

Я хватаюсь за дверную ручку и останавливаюсь.

– Потому что. В записках было четко сказано этого не делать. Я бы предпочел довериться тем версиям себя, которых мы не помним, чем людям, которые совершенно нас не знают.

– Логично, – кивает она, затем склоняет голову набок. – Интересно, а ты умный?

Это вызывает у меня легкий смешок.

В вестибюле никого. Я подхожу к окошку. За столом никого нет, но рядом стоит громкоговоритель. Нажимаю кнопку, и из него раздается шум.

– Эй? Здесь кто-нибудь есть?

– Уже бегу! – кричит женщина. Через пару секунд она подходит к своему рабочему месту. Увидев нас, настораживается.

– Чарли?

Та кивает, нервно выкручивая руки.

– Да. Я пришла за своими вещами. Рюкзаком...

Женщина смотрит на нее пару секунд, затем опускает взгляд на ее руки. Поза Чарли выдает беспокойство... словно она что-то скрывает. Женщина говорит, что сейчас этим займется, и уходит.

– Попытайся расслабиться, – шепчу я. – У тебя такой вид, будто я заставил тебя сюда прийти. Я и так под подозрением.

Чарли скрещивает руки на груди, кивает, а затем подносит большой палец ко рту и начинает покусывать его за подушечку.

– Я не знаю, как выглядеть расслабленно. Я нервничаю! И чертовски запуталась.

Женщина все не возвращается, зато из-за двери слева выходит полицейский. Он оглядывает нас с Чарли и указывает следовать за ним.

Мужчина заходит в свой кабинет и садится за стол. Кивает на два кресла напротив, чтобы мы тоже сели. Вид у него отнюдь не довольный, когда он наклоняется к нам и прочищает горло.

– Юная леди, вы хоть представляете, сколько людей вас сейчас ищут?

Чарли напрягается. Я буквально чувствую исходящие от нее волны недоумения. Поскольку она по-прежнему пытается понять, что происходило последние пару часов, я отвечаю за нее:

– Нам очень жаль. – Полицейский еще несколько секунд разглядывает Чарли, а затем переводит взгляд на меня. – Мы поссорились. Она решила исчезнуть на пару дней, чтобы все обдумать. Чарли не ожидала, что ее объявят в розыск.

Похоже, я ему уже наскучил.

– Я ценю вашу способность отвечать за свою девушку, но мне бы хотелось послушать мисс Винвуд. – Полицейский встает и указывает на дверь. – Подождите снаружи, мистер Нэш. Я бы хотел побеседовать с Чарли наедине.

Черт! Не хочу оставлять ее одну. Я мешкаю, но Чарли обнадеживающе кладет руку поверх моей.

– Все нормально. Дождись меня снаружи.

Я пристально смотрю на нее, но вид у нее уверенный. Резко встаю, и ножки стула противно царапают паркет. На полицейского даже не оглядываюсь. Выхожу в пустой коридор, закрываю за собой дверь и начинаю мерить шагами пол.

Парой минут позже Чарли выходит с рюкзаком за плечом и с самодовольной улыбкой на лице. Я улыбаюсь в ответ, понимая, что не должен был сомневаться, что она сможет возобладать над своим беспокойством. Ей уже в четвертый раз приходится импровизировать на ходу, и все предыдущие разы она отлично справлялась. В этом плане ничего не изменилось.

Теперь Чарли отказывается занимать переднее сиденье. Когда мы подходим к машине, она говорит:

– Давай вместе сядем назад и просмотрим вещи.

Лэндон уже и так злится из-за нашего «розыгрыша», а теперь ему еще и приходится быть шофером.

– Куда теперь? – спрашивает он.

– Просто покатайся по округе, пока мы придумаем, что делать дальше, – отвечаю я.

Чарли открывает рюкзак и начинает копаться в его содержимом.

– Думаю, нам надо в тюрьму. Может, у моего отца есть какое-то объяснение.

– Опять? – отзывается Лэндон. – Мы с Сайласом уже пытались вчера. С ним запрещено видеться.

– Но я его дочь. – Чарли смотрит на меня, словно ждет одобрения.

– Поддерживаю, – говорю я. – Поехали к ее отцу.

Братец тяжело вздыхает.

– Не могу дождаться, когда все это кончится, – бормочет он, резко выезжая с парковки полицейского участка. – Сплошная бредятина.

Затем он включает радио на полную громкость, лишь бы не слышать наши разговоры.

Тем временем мы вытаскиваем все вещи из рюкзака. Я помню, как несколько дней назад сортировал их в две отдельные кучки. Одна с полезной информацией, другая – нет. Я вручаю Чарли дневники, а сам принимаюсь за письма, надеясь, что она не заметит, как я откладываю те, которые уже были прочитаны раньше.

– Дневники исписаны от корки до корки, – говорит она, пролистывая странички. – Если я так много и часто писала, разве не должен существовать дневник, относящийся к недавним событиям? Я не вижу среди них записей этого года.

Отличное замечание! Когда я копался в ее вещах на чердаке, то не заметил ни одного дневника, который выглядел бы так, словно им активно пользовались. Пожимаю плечами.

– Может, мы пропустили его, пока собирали эти.

Она наклоняется и перекрикивает музыку:

– Я хочу домой! – обращается Чарли к Лэндону. Затем откидывается на сиденье и прижимает рюкзак к груди. К письмам и дневникам она теряет интерес и просто молча смотрит в окно, пока мы подъезжаем к ее району. Когда останавливаемся у нужного дома, девушка мешкает, прежде чем открыть дверь машины.

– Я здесь живу?

Уверен, не это она ожидала увидеть, но я не могу предупредить ее о том, что ждет внутри. Она ведь думает, что я тоже потерял память.

– Хочешь, я пойду с тобой?

Чарли качает головой.

– Наверное, это не самая лучшая идея. В посланиях говорилось, что ты должен держаться подальше от моей матери.

– Твоя правда, – отзываюсь я. – Ну, в записках также говорилось, что все вещи мы нашли на чердаке. Может, на этот раз лучше проверить спальню? Если у тебя был дневник нынешнего года, то он наверняка рядом с кроватью.

Она кивает, выходит из машины и двигается по направлению к дому. Я наблюдаю, как она исчезает за дверью.

Лэндон смотрит на меня с подозрением через зеркало заднего вида. Я избегаю его взгляда. Он и без того нам не верит, а стоит ему узнать, что я помню последние сорок восемь часов, он определенно решит, что я вру. И перестанет нам помогать.

Я нахожу одно из непрочитанных писем и начинаю разворачивать его, как тут открывается дверца в машину. Чарли запикивает внутрь коробку, и я с облегчением замечаю, что она нашла новые вещи, включая очередной дневник. Девушка садится в машину, и одновременно с этим открывается передняя дверь. Повернув голову, я вижу, что к нам присоединилась Джанет.

Чарли наклоняется ко мне, и мы касаемся плечами.

– Кажется, это моя сестра, – шепчет она. – Не похоже, что я ей нравлюсь.

Джанет захлопывает дверь, тут же разворачивается на сиденье и сердито на меня смотрит.

– Спасибо, что сообщил, что сестра жива, придурок!

Она снова поворачивается вперед, а Чарли подавляет смех.

– Ты серьезно? – спрашивает Лэндон, глядя на девчонку. Похоже, ее компания его отнюдь не радует.

Та закатывает глаза и ворчит.

– Ой, да ладно тебе! Мы уже год как расстались. Подумаешь, придется посидеть со мной в одной машине – не помрешь! Кроме того, я не собираюсь торчать весь день дома со свихнувшейся Лаурой.

– Черт возьми! – восклицает Чарли, подавшись вперед. – Вы встречались?

Лэндон кивает.

– Да, но о-о-очень давно. И всего неделю, – отвечает он, дав задний ход.

– Две недели, – уточняет Джанет.

Чарли поднимает брови и смотрит на меня.

– Становится все интереснее и интереснее...

Лично мне кажется, что присутствие младшей сестренки будет только мешать делу. Лэндон хотя бы в курсе происходящего. Джанет же не похожа на человека, который поверит в нашу историю. Она достает блеск из сумочки и начинает красить губы, глядя в зеркало.

– Итак, куда мы едем?

– Повидаться с Бреттом, – непринужденно отвечает Чарли, копаясь в коробках на заднем сиденье.

Девочка резко разворачивается.

– Бретт? В смысле папа?! Мы едем повидаться с папой?!

Чарли кивает и достает свой дневник.

– Ага. Если ты имеешь что-то против, мы можем вернуть тебя домой.

Джанет замолкает и медленно поворачивается обратно.

– Ничего не имею. Но я не собираюсь выходить из этой машины. Не хочу его видеть.

Чарли снова поднимает брови, после чего откидывается на сиденье и открывает дневник. Из него выпадает сложенное письмо, с которого она и начинает чтение. Делает глубокий вдох, а затем смотрит на меня и говорит:

– Ну что ж. Приступим, малыш Сайлас. Пора нам познакомиться поближе.

Я открываю новое письмо и усаживаюсь поудобнее.

– Приступим, малышка Чарли.

3. Чарли

Малышка Чарли, мама увидела мою татуировку. Я-то думал, что смогу скрывать ее минимум года два! Увы, этим утром она зашла ко мне без стука, а я в тот момент как раз снимал повязку.

Мама уже три года не позволяла себе заходить без стука! Похоже, она думала, что меня нет дома. Видела бы ты ее лицо, когда она поняла, что я сделал! Чуть не довел ее до инфаркта. Не представляю, что бы с ней было, пойми она, что татуировка олицетворяет тебя.

Кстати, спасибо за это. Символы были куда лучшей идеей, чем просто татуировка имен. Я ей наплел, что жемчужное ожерелье символизирует

жемчужные врата в рай или какую-то подобную пургу. После такого она не смогла возразить, учитывая, что каждый день бегают в церковь.

Ей было интересно, кто же сделал тату, когда мне всего шестнадцать, но я отказался рассказывать. Удивительно, как она сама не догадалась. Только в прошлом месяце я упоминал, что старший брат Эндрю – тату-мастер.

Ну да ладно. Она расстроилась, но я поклялся, что больше подобного делать не стану. Она также взяла с меня обещание никогда не снимать футболку при папе.

Я все еще немного шокирован, что мы пошли на это. Честно говоря, я отчасти шутил, когда внес это предложение, но, увидев твой радостный вид, сразу воспринял ситуацию всерьез. Говорят, никогда не стоит делать татуировку в честь своего партнера, да и нам всего по шестнадцать, но я понятия не имею, что может такого произойти, чтобы я перестал хотеть иметь частичку тебя на своей коже.

Я никогда не полюблю кого-то так, как тебя. Если худшее все же произойдет и мы разбежимся, все равно не пожалею об этой татуировке. Ты была огромной частью моей жизни на протяжении целых шестнадцати лет, и как бы дальше ни сложились наши судьбы, я хочу всегда о ней помнить. И пусть эти татуировки служат скорее напоминанием, нежели предположением, что остаток жизни мы проведем вместе. В любом случае я надеюсь, что через пятнадцать лет мы посмотрим на них и будем благодарны за эту главу нашей жизни, не чувствуя ни капли сожаления. Будь мы вместе или нет.

Откровенно говоря, я считаю тебя гораздо сильнее себя. Я полагал, что это мне придется успокаивать тебя и убеждать, что боль скоро пройдет, но оказалось все наоборот. Наверное, мне было больнее, чем тебе.

Ладно, уже поздно. Сейчас я наберу тебя и пожелаю спокойной ночи, но, как обычно, мне было необходимо излить все свои мысли в письме. Я уже говорил это раньше, но мне очень нравится, что мы продолжаем переписку в таком виде. Сообщения удаляются, а разговоры забываются, но, клянусь, каждое твое письмо останется со мной до конца моих дней. #ПочтаЖиви

Люблю тебя. Настолько, что готов замаскировать твое имя на своей коже.

Никогда не останавливайся. Никогда не забывай.

~Сайлас

Я смотрю на Сайласа, но он погружен в чтение письма. Мне бы хотелось лично увидеть его татуировку, но как-то неудобно просить его снять футболку.

Просматриваю еще пару писем, пока не нахожу свое. Интересно, питала ли я к нему хоть долю тех чувств, что он ко мне?

Сайлас!

Я не могу перестать думать о той ночи, когда ты меня поцеловал. Или о письме, в котором ты объяснял свои чувства.

Мне никогда прежде не доводилось целоваться. Я не закрывала глаза. Было слишком страшно. В фильмах парочки всегда закрывают глаза, но я не могла заставить себя это сделать. Мне хотелось знать, закрыл ли их ты; как выглядят твои губы, прижатые к моим. И я хотела знать, какое было время, чтобы всегда помнить точный момент, когда мы впервые поцеловались (было 11 вечера, кстати говоря). Твои глаза все время были закрыты.

После того как я ушла домой, я целый час палилась в стенку. Хотя тебя и не было рядом, я по-прежнему чувствовала жар от твоих губ на моих. Это было безумием, и я не уверена, что мы поступили правильно. Прости, что игнорировала все твои звонки. Я не хотела тебя беспокоить – мне просто требовалось время. Ты же меня знаешь. Я должна все обдумать в одиночестве. А твой поцелуй просто необходимо было обдумать! Я так давно об этом мечтала, но наши родители, несомненно, посчитают нас сумасшедшими. Помню, как мама говорила, что люди в нашем возрасте не способны по-настоящему влюбиться, но я в это не верю. Взрослым нравится притворяться, что наши чувства не столь значительны, как их, что мы слишком молоды, чтобы понимать, чего хотим. Мне же кажется, что наши желания не так уж различны. Мы хотим найти того, кто в нас поверит. Кто примет нашу сторону и покончит с нашим одиночеством.

Я очень боюсь, что что-то пойдет не так и ты перестанешь быть моим лучшим другом. Мы оба прекрасно знаем, что в мире множество людей, называющих себя нашими друзьями, но которые при этом ведут себя отнюдь не по-дружески. Это не про тебя. Что-то я увлеклась. Ты мне очень нравишься, Сайлас. Очень. Возможно, даже больше, чем зеленая яблочная вата, или розовые жевательные конфеты, или спрайт! Да, ты все правильно услышал.

~Чарли

Миленько. Я была милой девушкой, страдающей от первой влюбленности. Жаль, что я не могу вспомнить наш первый поцелуй. Интересно, было ли между нами что-то большее? Просматриваю еще несколько писем, и одно из них цепляет мое внимание.

Дорогой Сайлас!

Вот уже полчаса, как я пытаюсь написать это письмо, и все безуспешно. Придется постараться, да? Ты всегда так красиво описываешь свои чувства, а я вот словно страдаю косноязычием. Я никак не могу перестать думать о том, что произошло прошлой ночью. То, что ты делал своим языком... Я едва не теряю сознание при одной мысли об этом! Я не слишком откровенна? Не раскрываю тебе все карты? Папа всегда говорит: «Не раскрывай все свои карты другим людям, Чарли». Но мне нечего скрывать. Мне кажется, что я могу доверить тебе все секреты. Сайлас, я не могу дождаться, когда ты снова меня поцелуешь. Когда ты ушел, меня преследовали всякие глупые, злые мысли по отношению ко всем другим девушкам на планете. Понимаю, это дурость, но я не хочу, чтобы ты целовал подобным образом кого-либо еще. Я не считала себя ревнивой, но я ревную ко всем, кого ты хотел до меня. Не хочу, чтобы ты посчитал меня ненормальной, но если ты хоть на одну девушку посмотришь так, как на меня, я выколю тебе глаза ложкой. А еще, вероятно, убью ее и повешу все на тебя. Так что, если не хочешь быть слепым заключенным, предлагаю заглядываться исключительно на меня. Увидимся за обедом!

Люблю тебя!

~Чарли

Я покрываюсь румянцем и кошусь на Сайласа. Значит, мы... у меня был...

Прячу записку между коленями, чтобы он не мог ее прочитать. До чего стыдно! Пережить с кем-то такой момент и не помнить его! Особенно если учесть, что он так виртуозно работает языком. Интересно, что я имела в виду? Снова кошусь на него, но на сей раз парень ловит мой взгляд. Мне сразу же становится жарко.

– Что такое? Почему у тебя такое странное выражение лица?

– Какое такое? – отворачиваюсь я. В эту секунду до меня доходит, что я не представляю, как выгляжу. Я вообще симпатичная? Роюсь в рюкзаке и нахожу бумажник. Достāju документы и с интересом их разглядываю. Я... нормальная. Глаза, такие же, как у Джанет. Но сестра, как мне кажется, красивее меня.

– Джанет, как думаешь, на кого мы больше похожи, на маму или на папу?

Она задирает ноги на приборную панель.

– На маму, слава богу. Я бы умерла, если бы мне передалась папина бледность.

От этого ответа я слегка оседаю на месте. Я надеялась, что мы больше похожи на отца, и, когда я его увижу, он покажется мне хоть немного знакомым. Беру дневник, желая отвлечься от факта, что я ничего не помню о людях, которые подарили мне жизнь.

Переворачиваю на последнюю страницу. Наверное, стоило с нее и начать, но я хотела узнать хоть какие-то подробности о своем прошлом. В тот день я оставила следующие записи:

ПЯТНИЦА, 3 ОКТЯБРЯ.

День, когда твою собаку сбила машина.

День, когда твоего отца отправили в тюрьму.

День, когда тебе пришлось переехать из родного дома на свалку.

День, когда мама перестала смотреть тебе в глаза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/guver_tarrin/nikogda-nikogda-chast-3-v-lyubvi-mozhno-vse

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)